

История, которую я хочу вам рассказать, удивительна хотя бы потому, что произошла со мной. Честное слово, со мной вообще никогда ничего экстраординарного не происходило. Для некоторых это, возможно, было бы большим упущением в жизни, для меня — нет. Я привык к подобному положению вещей и давно уже смирился с мыслью, что ничего удивительного мне не светит.

Да, что и говорить, жизнь моя была тягуча, «ожиданна» (простите за использование слов, которые я сам время от времени придумываю: это от скуки, а не от безграмотности), без происшествий и передраг. Да и профессия у меня располагала к подобному образу жизни — я капитан космического корабля-тягача класса «Оптимус Альфа». Кто-то, возможно, скажет, что капитан — профессия романтическая, что до меня, то я абсолютно точно знаю: романтикой в моем деле и не пахнет.

Рейсы по полгода, масса мелких технических проблем, четкое расписание — вылетел оттуда-то тогда-то, прилетел туда-то тогда-то, приплюсуйте к этому страшную скуку во время полета, и вам все станет ясно. Какая, к черту, романтика? Нету ее, не-ту!

Вообще, если позволите маленькое отступление, по-моему, практически вся история космонавтики — сплошное надувательство и обман ожиданий, особенно на первом этапе. Честно говоря, мне все это по фигу, но личную точку зрения иметь нужно. Вот я ее и имею.

Особенно когда в баре какой-нибудь забулдыга-капитан начинает давить тебе на мозги, впаривая свое совсем не скромное личное мнение как истину в последней инстанции. Хочешь не хочешь, а рано или поздно научишься интеллигентно давать подобным нахалам по мозгам. И поскольку любое восприятие субъективно, я имею право на свою позицию, пусть она и отличается от убеждений забулдыги-капитана...

Да, говорили мне, что мемуары — дело непростое, ведь тяжело написать первые пару страниц увлекательно, с огоньком, чтобы какой-нибудь читатель не грохнул их об стену в припадке ярости, но... Уж простите, пишу, как могу. А вы потерпите немного, ведь скоро я перейду к рассказу, а пока все-таки выскажу свое мнение об истории космонавтики, чтобы вы лучше поняли, каково это — быть капитаном грузового космического корабля.

Давайте вспомним историю. В середине двадцатого века мир был взбудоражен «освоением космического пространства», все ждали «глобального» покорения космоса, да и причины, конечно же, были. После Гагарина, высадки на Луну, «Мира», МКС, всяких «Вояджеров», «Аполлонов» да «Пионеров» все ждали, что еще немного — и человечество ринется в космос. Но в течение ближайших ста пятидесяти лет космонавтика только и делала, что топталась на месте, нелепо растрачивая огромные средства на запуск примитивных спутников и строи-

тельство нескольких глупых орбитальных станций, конструкции которых сейчас смешат даже детей.

За эти сто пятьдесят лет не было никакого «покорения безвоздушного пространства», не было «кораблей, бороздящих просторы Вселенной». Был десяток зондов-спутников, благополучно разбившихся на Марсе, да рутинная работа по движению вперед лилипутскими шажками под предлогом создания базы для дальнейших исследований.

Правда, потом ситуация несколько изменилась. К началу XXII века человечество, исчерпавшее практически все природные ресурсы планеты, испоганив несчастную атмосферу и замусорив все, что только можно, и то, что нельзя, внезапно поняло, что еще немного — и Земля превратится в голый кусок камня, без полезных ископаемых, воды, кислорода... короче говоря, станет булыжником, к жизни совершенно непригодным.

К тому же рост популяции *homo sapiens* превысил все разумные пределы. Даже такие сдерживающие факторы, как войны, эпидемии и стихийные бедствия, не могли существенно сократить количество людей, которые принялись размножаться с немислимой быстротой. Я, кстати, лично считаю, что этот феномен «весеннего бешенства» был вызван победой над СПИДом (была такая болезнь). Но это моя гипотеза.

Так вот, отвлекся я что-то. После того как практически все известные полезные ископаемые были исчерпаны, люди, забираясь в недра Земли, стали копать глубже. Там, в этих недрах, шахтеры отыскивали полезный минерал агниум, и яйцеголовые умники-академики принялись думать, к чему бы этот самый минерал приспособить. Придумали. Оказалось, что он обладает уникальными свойствами и при правильной обработке выдает огромное количество дешевой энергии. Поэтому его приспособили повсюду. В быту, в промышленности, везде. В том числе и в космонавтике.

Получив новое топливо, которое в безвоздушном пространстве еще и позволяло разгонять корабль до ско-

рости света, исследователи космоса наконец-то взялись за дело.

За 20 лет был совершен гигантский скачок вперед. Поэтапно были отстроены три околоземные орбитальные станции, затем две базы на Луне, а потом космонавты, астронавты и иже с ними ринулись сразу за пределы Солнечной системы, потому что Плутоны и Сатурны вызывали чисто академический интерес, а вот все, лежащее за пределами нашей системы, было неведомо и потому манило. Вскоре были открыты три планеты, вполне пригодные для проживания.

Потенциальные колонисты, высунув языки в предвкушении приключений, нетерпеливо ждали разрешения ученых-исследователей на начало колонизации. И когда разрешение было получено, половина населения Земли рванула в космос, что очень удивило многих. Человек — по натуре своей существо консервативное, не очень жалующее перемены, а тут было такое единство, что психологи-социологи за головы схватились, не в силах объяснить данное явление.

Лично я считаю, что вся эта истерия по колонизации новых планет была вызвана тремя вещами: во-первых, тем, что Земля всем конкретно надоела, во-вторых, тем, что у людей сохранилась животная потребность к миграции, и в-третьих, тем, что была проведена очень грамотная рекламная кампания.

Как бы то ни было, массивное наступление на космос началось, появились корпорации, делающие деньги на космических путешествиях, на всей Земле упразднились страны и образовалась Федерация — в общем, человечество вступило в новую эру. Ну а новая эра принесла с собой новые экономические отношения. Так и появился Торговый Космический Флот.

В связи со всеми этими глобальными метаморфозами изменился и язык. Лингвисты изобрели новый федеративный, «всеобщий» язык, но его знали лишь единицы — люди, которым полагалось его учить, так сказать, по профилю. То есть военные, летчики, турагенты

и прочие интернационалисты. Космонавтам, как вы понимаете, тоже пришлось его изучать. Должен сказать, что ничего сложного в нем не было — он был упрощен до безобразия и больше всего напоминал американский английский. Так уж сложилось исторически.

Но основная часть населения продолжала говорить на родных языках, не забывая себе голову выдумками лингвистов. Более того, национальные языки каким-то странным образом «заморозились», остались на том же уровне, что и в XXI веке. Мне кажется, что это произошло из-за инстинктивного неприятия федеративного языка широкими массами. Как бы то ни было, русский язык как был самым богатым, так и остался. Впрочем, я в филологии не силен, как вы уже, наверное, догадались.

Итак, немного о себе. Совсем немного. Нефедов. Иван Нефедов.

Я окончил Высшую Навигаторскую Школу в 22 года и получил распределение во Флот Восточного Сектора.

Я вообще-то человек по натуре своей флегматичный. Если одним словом — «пофигист». Поэтому ничуть не удивился, узнав обо всех «романтических прелестях» нашей работы. Не могу сказать того же о своих сокурсниках, они были страшно разочарованы, потому что во время учебы забивали себе голову всяческой чепухой вроде открытия новых миров, войны с космическими пиратами и тому подобным бредом. В Школе, как пелось когда-то давным-давно, «даром преподаватели время со мною тратили», я был четким середнячком и ничуть этого не стыжусь. Не всем же быть гениями-учеными, кто-то же должен быть, так сказать, среднего уровня развития... М-да.

Но корабль мне вручили, причем начальство, насколько я знаю, в общем мною доволен. Еще бы! Ни одного ЧП за всю карьеру. И личное дело, которое мне по благу показал как-то наш кадровик, прямо-таки пе-

стрело эпитетами вроде «усердный, исполнительный, обязательный, стойкий к стрессам, лишенный воображения». Не нужно и говорить, что подобные характеристики меня радовали.

Шесть лет я бороздил на своем «Кречете» просторы Вселенной в Восточном Секторе нашей Галактики. Довольно большой срок, учитывая, что за это время я проделал десять рейсов по перевозке агниума с Базы на планету Краполл и обратно. Никаких новых планет, никаких пиратов за свои шесть лет стажа я не обнаружил. Иногда, признаюсь, у меня возникало желание совершить небольшой саботаж в системе жизнеобеспечения, чтобы влипнуть хоть в какую-нибудь авантюру, но каждый раз я спрашивал себя: «А оно тебе надо?» — и каждый раз выходило, что нет.

Поэтому я и не влипал ни в какие передраги и предпочитал думать о своем образе жизни философски. То есть не думать вообще.

Единственным, что спасало меня от скуки во время моих вояжей, было кино. Музыка, книги — тоже, но в первую очередь, конечно, синематограф. Это, кстати, отдельный разговор.

Дело в том, что многомесячные перелеты могут любого человека свести с ума. А капитаны трейлеров всегда летают в одиночку, потому что торговые компании, которые контролируют аэрокосмические предприятия, так экономят на людских ресурсах, что сконструировали тягачи, специально рассчитанные на одного человека — капитана-пилота. В помощь капитану предоставлялись лишь бортовые системы корабля, которые делали всю «грязную» работу.

Так вот. О сумасшествии. Чтобы его избежать, астропсихологи решили дешевым способом свести его вероятность к минимуму. Что они сделали? Они сунули каждому «волку» (так мы называем космонавтов, которые летают в гордом одиночестве) коллекцию кино-

фильмов. Мол, смотрите на здоровье, занятие интересное. Что получилось в результате?

А вот что: все «волки» стали киноманами. То есть свихнулись на кино, превратившись в настоящих мувифриков¹. Кино стало их страстью. Причем все без исключения терпеть не могли новые виртуальные фильмы, которые сейчас стали очень модными, отдавая предпочтение классике. На своих кораблях «волки» устанавливали старенькие кинотеатры, каждый раз загружали диски и во время полета наслаждались старинными фильмами.

Некоторые устанавливали себе на корабли новейшие системы связи SWN-Explorer или SWN-Opera, и могли по СпейсНету скачивать редкие фильмы, а заодно и общаться с другими киноманами. Но, как правило, установка таких систем приносила больше вреда, чем пользы.

Конечно, смотреть фильмы через СпейсНет, пребывая в космосе, — это круто. Но, во-первых, подобное оборудование стоило бешеных денег. А во-вторых, Компания частенько устраивала инспекции на своих кораблях и если обнаруживала устройства, не входящие в штатный набор средств связи (а Explorer и Opera в этот набор как раз не входили), обычно их конфисковывала, а владельцу устраивала строгий выговор с занесением в личное дело. И нарушитель Устава не просто терял те самые бешеные деньги, которые он отдал за прибор, но еще и оказывался на плохом счету в Компании.

Лично я, наученный горьким опытом коллег, предпочитал не рисковать и по старинке закупал обычные диски.

Итак, вернемся к нашим «волкам».

В космопортах «волки» собирались группками в ба-

¹ «Муви фрик» — (англ. movie — фильм, freak — здесь — одержимый, сдвинутый) — сленговое выражение, обозначающее киномана.

рах и всю поносили виртуальное кино, проклиная компьютерных актеришек, вспоминая Бастера Китона, Хэмфри Богарта, Шона Коннери, Арнольда Шварценеггера, Бена Аффлека и Каспера Ван Дьена. («Вот это были актеры! Рулез форева!¹ А компьютерные фантомы — отстой и мастдай!»²) Во время этих сходок «волки» ностальгировали, пускали слезу по поводу и без, спорили о том, какие фильмы лучше, какой жанр интереснее, какой актер гениальнее, и обычно эти посиделки кончались драками.

Так вот, поскольку я был «волком» и тоже неровно дышал к кино, то собрал настоящую коллекцию, которую пополнял при каждом удобном случае. Именно кино не давало мне сойти с ума. Кино, и еще моя любовь к Кэти... Ах да! Совсем забыл! Знакомьтесь — это Кэти; Кэти, позволь тебе представить... м-м-м... того-кто-достаточно-умен-чтобы-читать.

Понимаете ли, Кэти — объект моих любовных переживаний. Шесть лет я безуспешно пытаюсь добиться взаимности, но, к сожалению, она меня не любит, и боюсь, что никогда не сможет меня полюбить... И дело тут не в том, что я уродлив или скучен (на самом деле я вполне красив и весьма остроумен), просто дело в том, что Кэти — бортовой компьютер.

Шесть лет я угробил на то, чтобы снискать ее благосклонность, и никаких результатов — Кэти относится ко мне исключительно как к своему боссу, да и то часто ставит под сомнение мой авторитет. Слишком часто!

Вы, конечно, подумаете, что я типичный псих. Столько лет из кожи вон лезть, чтобы завоевать любовь

¹ «Рулез Форева» — (англ. Rules forever), (Интернет) — букв. «Правит всегда». Высшая похвала кому-либо или чему-либо (см. Толковый словарь в конце книги).

² «Мастдай» — (англ. Must die) (Интернет) — букв. «Должен умереть». Низшая оценка кого-либо или чего-либо (см. Толковый словарь в конце книги).

машины! Но вот посадить бы вас на полгода в пустой корабль, где единственные развлечения — кино, книги и музыка, — то-то я на вас полюбуюсь! Ладно, если вы будете только волком выть (простите за каламбур), так ведь вы еще и на стенки начнете кидаться! Кто из нас тогда будет выглядеть сумасшедшим? То-то же.

Я, по крайней мере, направлял свою энергию исключительно в мирное русло. Так что поверьте мне, полгода в одиночестве, и ты начинаешь думать о компьютере как о живом существе.

Кстати, именно из-за этого «живого существа» я и влип в историю. Не то чтобы я винил ее за это, нет... но косвенно виновата она.

В общем, история, которая изменила мою жизнь, началась с банальности. Мне потом рассказывали, что обычно все истории начинаются с банальностей и пустяков...

В моем случае это был метеорит, угодивший в кабель навигационного блока. Говорят, эти камешки имеют обыкновение попадать в самые неподходящие места в самое неподходящее время. Время было действительно самое неподходящее.

Я расслаблялся в салоне, в очередной раз наблюдая, как Харрисон Форд разбирается в баре с зеленым инопланетянином по имени Гридо, когда взревели сирены, и я, крайне недовольный тем, что меня отвлекают от такого благородного занятия, побежал на мостик.

Коридоры у нас на корабле узкие, рассчитанные на одного человека, но не на меня — моя комплекция (а именно — плечи) не позволяла беспрепятственно передвигаться по кораблю. Поэтому я всегда пользовался

телепортационной установкой (ТУ), быстрой и удобной. Так что я ТУкнулся на мостик, и глазам моим предстала весьма прискорбная картина.

Половина мониторов не светилась, а та половина, что работала, сообщала мне: «ничего хорошего тебя в будущем не ждет». Но я понял, что впервые попал в крупную историю, только взглянув на основную голограмму.

— Ну и как? — спросила Кэти, глядя на мое вытянувшееся лицо.

— Как? — После минутного шока я взял себя в руки. — Ситуация неприятная, но я не вижу ничего, что могло бы выбить меня из колеи.

С этими словами я рухнул в кресло, ибо ноги меня держать отказались. Тогда я еще не до конца осознал, в какой попал переplet, но инстинктивно чувствовал, что попал. И тут Кэти (я молил бога, чтобы она не заметила моей минутной слабости), как нарочно, решила меня добить и начала озвучивать список повреждений. Когда она дошла до возможного отключения основного генератора, я начал искренне удивляться тому, что «Кречет» до сих пор не развалился.

А Кэти тем временем добралась до последнего пункта «черного списка», закончив свою мрачную тираду классическим вопросом:

— Ну что, молилась ли ты на ночь, Дездемона?

— Кэти, — сказал я, стараясь изобразить на лице полную невозмутимость. — Я, конечно, понимаю, что твои способности к самообучению огромны, но не до такой же степени! Перестань вести себя как стерва!

— Ой, ой, поглядите, какие мы обидчивые!

— Между прочим, — не преминул заметить я, — это ты виновата. Ты должна отстреливать все посторонние предметы, угрожающие «Кречету».

— Да что вы говорите, а я не знала, — съязвила Кэти. — А чем я, по-твоему, занималась все это время? Так вот, доведу до твоего сведения, что пока ты смотрел свои глупые «Звездные войны», мы попали в метеоритный поток. Знаешь, что это такое? Это когда миллионы

каменной являются «посторонними предметами, угрожающими «Кречету», а пушек у меня не 150! «Кречет» тебе — не военный линкор, дорогой! Ты лучше наори на конструктора, который расположил основной кабель так близко к обшивке!

— У тебя же есть личный навигационный блок, черт возьми! Ты же знаешь этот маршрут, как свои пять микросхем! Никаких метеоритных потоков здесь никогда не было.

— Знаю, что не было. В том-то и дело, что он появился неизвестно откуда. И кстати, помнишь, я тебе говорила, что нужно поменять распределяющую плату в навигационном блоке?

— Ну.

— Прямо перед аварией произошел сбой в системе. Из-за этой самой платы. Поэтому я и не заметила приближение метеоритов.

— Ага. То есть виноват я?

— Я этого не говорила. Ты сам это сказал. Надеюсь, ты понимаешь, что теперь, в результате отключения половины датчиков, я не знаю, где мы находимся.

— Да? — Я поглядел на обзорный экран. Там мерцали звезды. — Вот эту звезду я, кажется, знаю... А может, и нет. Кэти, ты умеешь ориентироваться по звездам?

— Ты с ума сошел! По звездам ориентировались варвары, а я — интерактивная машина с блоком памяти в 100 миллионов убербайт и самообучающимся потенциалом...

— Знаю, знаю. Но в данной ситуации я предпочел бы, чтобы ты была варваром.

* * *

Ликвидировать поломки, учиненные метеоритом, в космосе оказалось невозможным. Энергии запасного генератора хватило бы на посадку, но вот только подходящей планеты не попадалось. В общем, я, недолго ду-

мая, решил дрейфовать и кайфовать — отключил почти всю электронику, оставив лишь немного энергии для систем жизнеобеспечения, и уселся на мостике, перечитывая толстый том по Древней истории Земли. Я всегда интересовался историей. Даже в Школе, хотя ей там внимания уделялось гораздо меньше, чем, скажем, устройству механизма маршевого двигателя кораблей класса «Альфа».

Кэти, которой я оставил энергии лишь на простенький диалог с капитаном, начала было болтать о парадоксах искривления пространства, но я надел старомодные наушники и потому ее не слышал — сидел себе в кресле, положив ноги в любимых «конверсах»¹ на бесполезный пульт управления, читал том и размахивал рукой в такт «Болеро» Равеля. Я поставил диск на повторение и наслаждался вечной музыкой на протяжении часа.

Когда в очередной раз началось тихое вступление, я обратил внимание на то, что Кэти что-то бубнит. Что-то, совершенно не связанное с искривлением пространства. Я снял наушники и замер, услышав, что говорит Кэти.

— Планета по курсу, в пределах видимости, признаков высокоразвитой цивилизации нет, в каталогах не значится, условия для здоровой жизнедеятельности человеческого организма нормальные, притяжение в 0,0005 раза меньше, чем на Земле...

Я чуть не упал с кресла. Томик и наушники полетели в сторону, на мостике загремела кульминация «Болеро», а я застучал по клавишам, выкрикивая голосовые команды.

Меньше чем через минуту «Кречет» вновь ожил. Планета, о которой говорила Кэти, находилась на расстоянии всего 0,0000001 светового года от нас, коро-

¹ «Конверсы» — Converse All Star — кеды, официальная обувь космонавтов Торгового Флота.

че — в пределах видимости. Она была небольшой, симпатично округлой (ха!), с морями и лесами. В общем, напоминала Землю.

Я развернул корабль дюзами вперед, включил тормозные двигатели и направился напрямик к этой загадочной планете. На задворках сознания мелькнула мысль, что раньше я никакой планеты тут не видел, но мысль, как я уже сказал, возникла на задворках и в «главные ворота» особо не рвалась.

Не буду описывать весь процесс посадки — читатель, не смыслящий в устройстве космического тягача, все равно ничего не понял бы, а только запутался; ограничусь лишь описанием места, куда я сел.

Сел я в лужу. По-другому я не могу назвать озеро, со всех сторон окруженное непроходимой чащей. Учтывая то, что мой «Кречет» являлся птичкой немаленькой, озеро по сравнению с ним действительно напоминало лужу.

Как только амортизаторы коснулись дна, Кэти заявила, что энергии запасного генератора осталось лишь на 15 процентов. Я тут же его вырубил, чтобы не тратить драгоценные запасы вхолостую.

И тут, глядя на сосны, красующиеся неподалеку от «Кречета», я серьезно задумался. Положение мое, прямо скажем, было не из лучших. В способностях Кэти сомневаться не приходилось, да и сам я в случае необходимости не стал бы сидеть сложа руки, но на ремонт могло уйти больше месяца. Особенно — учитывая мою природную лень и пофигизм.

Таким образом, все графики летели к черту, груз заказчик не получит и будет зол, начальство на Базе тоже будет злиться, спасательная экспедиция меня вряд ли найдет, для своих я буду фактически мертв... Очень мертв. Мертвее не бывает.

Дойдя до этого, самого «оптимистичного» пункта в моих размышлениях, я понял, что если буду продолжать в том же духе, точно сыграю в ящик. Поэтому стал думать по-другому.

Я жив, груз цел, ремонт больше месяца не займет, заказчик и начальство на Базе будут приятно удивлены тем, что я не сбежал с особо ценным грузом, а «по формажорным обстоятельствам» лишь временно задержал доставку — в общем, все очень даже хорошо!

Я бодро вскочил с кресла и, отдав распоряжение Кэти заниматься ремонтом, отправился в отсек высадки. Что мною двигало, я не знал. Сначала собирался просто сидеть в корабле и ждать, пока Кэти закончит ремонт. Но побывать на чужой планете и даже не погулять на свежем воздухе... Это было бы странно. Именно поэтому я переборол лень и решил, что небольшая прогулка мне не повредит.

В отсеке высадки я достал скафандр, проверил его исправность, как того требовала инструкция по высадке на чужую планету, и убедился, что скафандр цел — еще бы, ведь я его ни разу не надевал!

Кстати сказать, скафандр вызывал мое невольное восхищение, в чем я никогда никому не признавался. Даже самому себе. Далее я буду долго и подробно его описывать, так что наберитесь терпения, потому что этот скафандр сыграл в моих приключениях одну из основных ролей.

Так вот. Скафандр для исследования чужих планет (СИЧУП), класса «Оптимус Омега», представлял собой некое подобие рыцарских доспехов, только был абсолютно герметичен и по степени защиты превосходил любые латы, тем более рыцарские. Забираться в него можно было только сзади, через люк, что не совсем удобно, так как выбираться из него приходилось, соответственно, пятясь (это единственное порицание, которое я могу придумать, описывая свой замечательный скафандр).

Во всем остальном он был великолепен. СИЧУП оборудовали блоком слежения и связи, подогревом и охлаждением, запасом воды и пищи достаточным, чтобы человек автономно протянул в нем полгода. Воздух вырабатывался мини-преобразователем из углекислого газа, выдыхаемого человеком, естественные потребно-

сти отправлялись посредством сложного механизма, о котором я, возможно, расскажу как-нибудь в другой раз, в общем — квартира со всеми удобствами.

Обтекаемый корпус скафандра из сверхлегкого сплава весил около ста килограммов, а поскольку их производят персонально для каждого пилота, то высотой мой СИЧУП чуток не дотягивал до двух метров. Округлый шлем был с огромным овальным забралом, затемненным с наружной стороны и совершенно прозрачным с внутренней (не говоря уже обо всех остальных функциях чудо-шлема, вроде дисплея, на который можно было вывести любую информацию, включая видеоизображение, и прочее). Голова в шлеме чувствовала себя совершенно свободно — я мог вертеть ею, как хотел.

«Руки» и «ноги» представляли собой бугристую, герметичную броню, приплюсуйте сюда еще и полный боекомплект — начиная с пулеметов с запасом амуниции в 50 000 патронов и заканчивая ракетами ближнего действия — и вы поймете, что скафандр мой был просто О-БАЛ-ДЕННЫМ.

Сервомеханизмы и автоматическая система датчиков, прикрепляемых к ногам, рукам и торсу, позволяли носить скафандр как обычный комбинезон (это при его весе!). Я мог без труда развить скорость 60 км/час (покрывая расстояние гигантскими скачками), прыгать, ползать — словом, делать все, что захочу.

Я полюбовался скафандром пару минут, потом решительно в него влез, проверил датчики и загерметизировался. Затем пошел в шлюз, нажал на две кнопки — дверь сзади закрылась, а дверь во внешний мир медленно отъехала в сторону — и я оказался на пороге нового, неизведанного, таинственного, манящего чужого мира.

* * *

Недолго думая, я установил связь с Кэти и приказал ей включить мне «Бурано» Орфа. Кэти «проехала» насчет моего нездорового интереса к классической музыке, но Орфа включила.

И вот, под коварную прелюдию, я принялся изучать окрестности с высоты пяти метров над уровнем озера. Впереди, насколько хватало глаз, простирался сосновый бор. Практически земной, по крайней мере я никаких разительных отличий не заметил. Вдали, в дымке, белели вершины гор; небо было звеняще голубым, а местное солнце слепило лучами.

Я предусмотрительно спустил к воде выдвижную лестницу, прикинул расстояние до берега и прыгнул в воду.

Погрузившись метра на четыре, я коснулся дна и уверенно зашагал к берегу. В принципе, я мог бы и поплыть (чудо-скафандр способен и не на такое), но мне было лень. Вода оказалась прозрачной, водорослей на песчаном дне не наблюдалось, рыба в этом озере, похоже, не водилась (а может, я ее всю угробил при приведении «Кречета», хотя рыбьих трупов на поверхности не заметил).

Беспрепятственно добравшись до берега, я несколько минут пытался подняться по илистым камням наверх. Удалось это минут через пять, после десяти неудачных попыток и тридцати нецензурных ругательств.

Кэти, которая все это слышала, попыталась возмущаться, но мне было не до словесных реверансов, и я быстро приструнил ее, употребив еще одно оставшееся в моем запасе крепкое выраженьице.

После этого Кэти надулась и не разговаривала со мной минут десять.

Я тем временем зашагал по лесу, ориентируясь по компасу, который постоянно маячил у меня перед глазами на дисплее внутренней стороны забрала. Я решил идти строго на запад, наслаждаясь чудесной природой вокруг.

Впрочем, наслаждаться мне вскоре наскучило (подумаешь, эка невидаль — сосны, хиленькие кустики да опавшая листва вперемешку с хвойными иголками), и я перешел на бег прыжками.

Тут я должен кое-что объяснить относительно бега

в СИЧУПе, поскольку в будущем вы убедитесь, что бежал я часто, и у вас обязательно возникнет вопрос, как это мне удавалось.

Дело в том, что внутри СИЧУПа человек находится в уютном «коконе», который установили, чтобы он смягчал возможные удары. Руки и ноги, несмотря на «кокон», двигаются совершенно свободно, а потому, если бы я просто бежал в бронированном СИЧУПе со скоростью 60 км/час, мое причинное место истерлось бы в пыль — никакая внутренняя защита не помогла бы (хотя в районе промежности «кокон» отличался наибольшей мягкостью и прочностью). Именно благодаря заботе наших инженеров об интимных местах космонавтов в СИЧУПе установили мини-реактивный ранец, который при режиме «Бег» выдавал короткие импульсы, вследствие чего скафандр делал прыжок: максимально — метров на пять-шесть.

Таким образом, я не бежал в прямом смысле этого слова, а прыгал, словно кузнечик-переросток. Правда, такие прыжки иногда бывали несколько неудобны, в чем я убедился в первый же день испытания СИЧУПа — достигнув скорости 20 км/час, я обнаружил, что мне все труднее уворачиваться от стволов, поэтому пришлось чуть сбавить ход.

В этот момент Кэти внезапно сказала:

— Иван.

Она редко при общении пользовалась моим именем, да еще и с такой официальной интонацией, поэтому я насторожился.

— Чего?

— Твой локатор ближнего действия передает мне какие-то странные сигналы... Не могу разобрать. Очень слабые отметки, к северо-западу от тебя, метрах в тридцати.

Северо-запад, судя по компасу, находился справа от меня, поэтому я повернулся, одновременно наблюдая за своим локатором. Ничего.

— Может, это белка какая-нибудь? — наивно спросил я.

— Ты на другой планете, дорогой. Забыл? — Кэти опять язвила.

— Не забыл. Ну, не белка. Какой-нибудь маленький зеленый человечек, местный аналог белки...

Тут что-то звякнуло о мою броню. Внешние шумы подавались в скафандр в нормальном режиме, и я услышал протяжный свист. Что-то мелькнуло у меня перед глазами и с глухим стуком врезалось в сосну рядом со мной. Взглянув на ствол, я обнаружил, что из него торчит стрела. Настоящая стрела — длинное и тонкое древко, тройное оперение...

Проследить траекторию полета стрелы с моим супер-СИЧУПом оказалось плёвым делом. Я повернулся в сторону, куда указывал прибор, и инстинктивно дернулся, когда в забрало ударила очередная стрела, выпущенная невидимым лучником. На мгновение я представил себе, что было бы, если б наконечник вонзился мне в глаз, но долго размышлять над этим вопросом мне не дали.

— Да вы что, обалдели?! — завопил я, когда по броне застучали еще с десяток стрел.

Я переключился на увеличение и вскоре разглядел одного из стрелков. Стрелок оказался человеком, что повергло меня в шок. За двести лет исследования космоса гуманоидов пока что не находил никто: выходит, я стал первым! Что ж, при первом контакте надо вести себя по возможности дружелюбно, поэтому я лихорадочно вспоминал, что в таких случаях говорят в кино. Ничего, кроме «Темного ангела», мне в голову не лезло, я поднял руки и, включив громкоговоритель и универсальный переводчик, крикнул:

— Я пришел с миром! Не стреляйте!

В ответ очередная стрела чиркнула по моей броне. Быстро сообразив, что стрелки меня не понимают, я вздохнул, с сожалением вспомнив, что не сделал «интеллектуальный укол» перед выходом. Но кто ж знал?..

Кстати, эта сыворотка — чудо генной инженерии. Позволю себе немного вам о ней рассказать.

Испокон веков самой большой проблемой в международном общении считалось незнание языков. Я не говорю о культурных традициях каждого народа, это вообще отдельная тема. Простое и элементарное незнание языка часто оборачивалось для невежд крупными неприятностями. А потому люди постоянно мучались и придумывали, как бы им лучше понять друг друга.

До недавнего времени ничего более универсального, чем язык жестов, придумать не могли. Даже специально изобретенный федеральный язык, как я уже говорил, успеха среди населения не имел. Но когда расшифровали геном человека, у ученых появилась уникальная возможность делать людей мгновенными полиглотами. Очень удобная вещь. Тебе вводят «интеллектуальную сыворотку», и ты спокойно можешь разговаривать на любом языке без всякого акцента — стоит только пару минут послушать носителей языка. Сыворотка эта стоила бешеных денег и, что самое удивительное, со временем не дешеvela, а дорожала.

Ее существование держалось в секрете, но вездесущие журналисты о ней прознали. Разразился скандал, поскольку вводили ее себе исключительно миллионеры, военные, летчики, дипломаты, президенты и космонавты, а простой люд ученые послали куда подальше. Это, разумеется, вызвало общественный резонанс, но ситуацию не изменило. Чудо-сыворотка по-прежнему оставалась под контролем Правительства Федерации и отпускалась лишь избранным.

Я оказался в числе счастливицков, потому что был космонавтом; нас вообще часто пичкали всякими диковинками, на всякий случай. Нам эту сыворотку включали в стандартный набор медикаментов, хотя использовать ее лично мне ни разу не доводилось. Дело в том, что вакцинацию объявили делом сугубо добровольным, а раз так — то на фига мне колоть себе какую-то малопонятную чудо-сыворотку? Ведь федеративный язык я

и так знал, а с инопланетянами до сегодняшнего дня знаком не был.

Теперь же все изменилось, и я горько пожалел, что не сделал себе укол перед выходом. Надо при первой возможности, как пропел классик, «уколоться и забыться», а пока обойдусь и обычным универсальным переводчиком, встроенным в СИЧУП. Кэти уже должна расшифровывать их язык — я видел, что гуманоиды о чем-то переговаривались, изредка выпуская в меня свои ничемные стрелы.

Я выключил внешний громкоговоритель и обратился к Кэти:

- Ну, и что мне делать?
- Я анализирую ситуацию. Минуту.
- Поторопись, будь добра.
- Хорошо. Вот тебе быстрое решение: стой на месте и жди, пока у них закончатся стрелы. Тогда ты сможешь с ними нормально поговорить.
- Спасибо за подсказку, — я недовольно фыркнул.
- Тогда не торопи меня. Я пытаюсь понять, как они общаются, и проанализировать их речь...

Я продолжал стоять на опушке, ожидая, когда Кэти мне скажет что-нибудь полезное. Стрелы продолжали периодически стучаться о мой СИЧУП, но я уже не обращал на них никакого внимания. Мне стало скучно, и, наверное, из-за скуки мне в голову вдруг взбрела идея обсудить с Кэти один вопрос.

- Кэти?
- Не отвлекай.
- Да я не про то. Ты же интерактивная машина со ста миллионами килобайт...
- Убербайт.
- Хорошо. Так вот. Ты же можешь анализировать ситуацию и заодно разговаривать со мной на отвлеченные темы?
- В принципе — да.
- Отлично. Что ты думаешь о виртуальном кино?
- Что? В каком смысле?

— В прямом. Если сравнить старое кино и виртуальное? Какое лучше, по-твоему?

Кэти пару секунд молчала, очевидно, пыталась прийти в себя после такого неожиданного вопроса.

— Это вопрос с подвохом, — наконец ответила она. — Я, разумеется, должна сказать, что виртуальное кино мне более симпатично, так как оно — виртуальное и создано компьютером. И ты не можешь не признать, что в кинематографе конца XX — начала XXI веков компьютеры использовались постоянно. Начиная с «Трона» и «Титаника», заканчивая «Космическими пиратами» и «Ватерлоо». Поэтому эволюция кино из киноплёночного в виртуальное была делом времени. Твой любимый Лукас, кстати сказать, экспериментировал с цифровым кино еще в начале XXI века, до появления «Последней фантазии» и «Видока», ставших первой вехой...

— Стоп, стоп, — возразил я, — но Лукас же снимал живых людей. Он просто использовал цифровые камеры во время съемок.

— Ты хочешь сказать, что Джар-Джар Бинкс — живой? — усмехнулась Кэти.

Я чертыхнулся. Да, Джар-Джар в «Звездных войнах» был полностью анимирован. Мне оставалось только возразить:

— Но это был единичный случай. Главные-то герои были живыми актерами.

— Ну и что? Тут важен прецедент, а последствия не заставили себя долго ждать. Сначала синий или зеленый экраны и полностью нарисованные на компьютере декорации, потом анимированные второстепенные персонажи, сначала фантастика, потом «Титаник», сначала главные герои — живые актеры, потом — виртуальные. «Властелина колец» вспомни — компьютерный Горлум своей игрой заткнул за пояс многих живых актеров в этом фильме. Так почему бы не воспользоваться технологиями, когда они позволяют развивать кино? И поверь мне, это далеко не предел. Я слышала, что плани-

руют открыть кинотеатры, гарантирующие «полное присутствие» зрителя в фильме.

Я фыркнул:

— Ну, это уж вообще из области фантастики!

— Почему? Ведь виртуальное пространство существует. И человек, облаченный в специальный костюм, может ощущать окружающие себя иллюзорные предметы и явления, вроде дождя или снега. Это же не фантастика, это реальность. Что мешает кинокомпаниям устроить специальные кинотеатры с маленькими кабинками, в которых зрителя облачат в специальный костюм, и он будет фактически «присутствовать» в фильме? Ответ — да ничего им не мешает. И они наверняка это сделают. Стереokino ведь процветает, еще немного — и оно станет интерактивным.

— Ужас, — пожегся я. — Представить себе, что ты «присутствуешь» в Парке Юрского Периода, а на тебя несется тиранозавр... Бр-р-р.

— Так вот, — продолжала Кэти. — Совершенно понятно, почему тебе не нравится виртуальное кино — потому что там не играют живые люди.

— А кто сказал, что оно мне не нравится? — приторно возмутился я.

— Прекрати. Ты же «волк». Все «волки» не любят виртуальное кино.

— Откуда ты знаешь?

— Когда мы прилетаем в порты, не один ты ходишь развлекаться в бары. Я тоже общаюсь с другими компьютерами, в частности, получаю информацию о ваших «посиделках».

— Подсматриваешь, — недовольно констатировал я.

— Называй это как хочешь. Я — интерактивная, я постоянно обучаюсь. И мне еще много нужно изучить. В частности, психологическую мотивацию людей.

— Ты о чем?

— О твоей мотивации. В частности, о твоей потребности вести себя странно.

— А когда это я вел себя странно?

— Ты ведешь себя странно постоянно. Например, ты ведешь себя странно в данный момент.

— Не понимаю, о чем ты?

— Послушай, ты только что открыл новую, совершенно неизвестную планету, только что установил контакт с гуманоидами. Пусть контакт и неудачен пока, но дай мне время — я расшифрую их речь. И что ты делаешь в этот момент? Ты спрашиваешь меня о виртуальном кино! Ты здоров? Насколько я знаю, твое поведение в данный момент не соответствует логике и норме поведения здорового человека в подобной ситуации.

Я нахмурился. В чем-то Кэти, конечно, права. Но меня так занимал вопрос о виртуальном кино... Видимо, после аварии пострадал не только «Кречет» — у меня в голове тоже что-то замкнуло. А может, я просто стал жертвой скуки, которая, как известно, порождает досужие размышления. Но я, разумеется, не стал ничего объяснять Кэти, а просто резюмировал:

— Вот такие вот мы — непредсказуемые... Нелогичные. И вообще — мне по фигу твои выводы относительно моей персоны. Продолжай изучение.

— Продолжаю. Результаты моего анализа, кстати, будут готовы через 73 секунды.

— Спасибо за точность, — ответил я, увеличивая изображение на дисплее.

Лучник, которого я разглядел в первые секунды «контакта», уже не целился в меня, а о чем-то тихо шептался с другими, точно такими же гуманоидами. Я только что заметил, что ушные раковины у инопланетян вытянуты вверх, у них очень красивые волосы и совершенно нереальной величины глаза. Одеты они были в странноватую зеленую средневековую одежду, вроде костюмов Робин Гуда (вот вам и зеленые человечки). И вообще — они напоминали эльфов. Это факт. Именно так себе представляли эльфов всякие творческие люди на Земле.

Поэтому я решил, что, когда буду писать мемуары о своем открытии, назову этот народ эльфами. Простень-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ	5
Глава 1. БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО ВИДА	15
Глава 2. ЗЕМЛЯ ДО НАЧАЛА ВРЕМЕН	34
Глава 3. ПОКИДАЯ ЛАС-ВЕГАС	57
Глава 4. БОЛЬШАЯ ПРОГУЛКА	77
Глава 5. СЕРДЦЕ ДРАКОНА	92
Глава 6. ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ	111
Глава 7. РАЗУМ И ЧУВСТВА	133
Глава 8. ПРАВДИВАЯ ЛОЖЬ	162
Глава 9. ОБЫЧНЫЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ	175
Глава 10. СКАЗКА СТРАНСТВИЙ	193
Глава 11. ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ МИР	214
Глава 12. ВХОД И ВЫХОД	235
Глава 13. ПРОСТОЙ ПЛАН	248
Глава 14. ШПИОНЫ, КАК МЫ	265
Глава 15. ПЕРЕГОВОРЩИК	282
Глава 16. ВОЙНА И МИР	297
Глава 17. НА КРАЮ	318
Глава 18. СМЕРТЕЛЬНАЯ БИТВА	336
Глава 19. АДВОКАТ ДЬЯВОЛА	354
Глава 20. УСКОЛЬЗАЮЩАЯ КРАСОТА	372
Эпилог. НАЗАД В БУДУЩЕЕ	393
Эпилог № 2. СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	397
Приложения	400